

Отзыв официального оппонента
на рукопись диссертации Виктора Владимировича Раскольца
«Организация и деятельность Института исследования Сибири (1917–1921 гг.)»,
представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.10 – История науки и техники

Отечественная историческая наука, вот уже около четверти века находящаяся в условиях постсоветской действительности, продолжает движение по пути переосмысления процессов и событий столетней давности, выработки новых подходов и знаний в оценках опыта жизнедеятельности российского социума и динамики взаимодействия различных его общностей и групп с институтами власти в эпоху войн и революций. Рецензируемая диссертационная работа молодого историка В. В. Раскольца оказывается в самом центре данного проблемного поля, поскольку предметом ее рассмотрения выступает историческая реконструкция связей, отношений, действий внутри т.н. треугольника (ученые – общество – власть) в ходе Гражданской войны на востоке страны. Избранный автором объект исследования – Институт исследования Сибири, созданный в 1919 г. и просуществовавший около полутора лет, несмотря на свою кажущуюся локальность и кратковременность, фокусирует в себе ряд существенных аспектов этой драматической эпохи. Среди них – проблематика соотношения и динамики внутриреволюционного и постреволюционного времени разнонаправленных, разрушительных и позитивных, созидательных тенденций, проблематика преемственности и разрывов между предреволюционными и постреволюционными процессами и событиями. Рассматриваемый в данной системе координат феномен Института исследования Сибири (далее ИИС) позволяет выявить и получить новое знание об истории отечественной науки и ученых, механизмах корпоративного и институционального выживания и адаптации в кризисные, катастрофические периоды, роль и значение в этом традиций и новаций.

Актуальность диссертационной работы следует рассматривать в двух аспектах – собственно научном, поскольку она вызвана необходимостью выработки новых современных подходов в оценках известных исторических явлений, а также социокультурном, поскольку для нынешней действительности, характеризующейся переходным периодом и кризисом институциональных основ отечественной научно-образовательной сферы возрастает значение ретроспективных экспертных оценок положения науки и ученых в предшествовавшие переломные эпохи, на что справедливо указывает диссертант.

В. В. Расколец поставил перед собой весьма непростую задачу: найти новое о кажется достаточно известном и уже получившем устойчивые, закрепленные в историографии оценки явления научной жизни в регионе – Институте исследования Сибири как об инновационном начинании, передовом и перспективном, но преждевременном, опередившем свое время. Несомненная исследовательская заслуга диссертанта состоит не только в обобщении и систематизации информации о том, *что и как было* в случае ИИС, но и в том, что он сделал шаг вперед в осмыслении того, *почему это было так, а не иначе*, и даже попытался обосновать оценку того, что *могло быть и иное*, сохрани советская власть данную новацию в организации региональной науки.

Вокруг ИИС за многие годы сложился устойчивый стереотип уникальности этого явления, которое сопровождается безусловно позитивной оценочной коннотацией, что в сочетании оказывается уже не только реальным событием в сфере организации науки, но и некоторым символом. Диссертант проделал по выверенной научной программе анализ всех основных условий и причин, как внутринаучных, так и внешних (политико-экономических и социокультурных), вызвавших к жизни данный феномен и обусловивших временные рамки его существования, и на основании этого дал взвешенную итоговую оценку роли и значения Института в истории региональной и отечественной науки того времени. В. В. Расколец выполнил исследование с позиций научного объективизма, свободного как от апологетики ИИС, так и от негативизма («кратковременность и нереализуемость большинства идей»).

Важнейшим признаком современных исследований выступает применение в них комплексности, междисциплинарности, предполагаемое использование подходов и методов как общенаучных, так и социально-гуманитарных дисциплин. Диссертант, заявив об этом в разделе методологии (рукопись, С. 17), с достаточной очевидностью реализует их в своей работе. Нам представляется значимым то, как автор распоряжается инструментарием тех разработок, которые используются в области исследований истории науки и техники. В рамках апробированных подходов к изучению феномена науки как социального института автор справедливо рассматривает объект и предмет своей работы в системе координат, связанных с предпосылками и практической реализацией форм и стадий институционализации региональной науки (сетевые, кадровые, ресурсные, коммуникационные характеристики). Подход социально-исторический реализуется через рассмотрение динамики и механизмов взаимодействия интерналистских (внутринаучных) и экстерналистских (внешних по отношению к науке) факторов. Помимо этого, автор проявляет достаточную компетентность

в исследовании региональной науки как системы знаний, характеризуя те или иные конкретные научные направления, научные школы в сибиреведении. Сказанное выше свидетельствует о том, что междисциплинарность выступает важной составляющей его исследовательской программы.

Степень обоснованности выполненной автором научной аналитики следует оценивать, исходя из совокупности следующих условий: корректно сформулированной исследовательской программы, соответствия структуры работы данной программе, корреляции цели и задач с основными положениями работы, вынесенными на защиту, и выводами, изложенными в заключении. На наш взгляд, все отмеченные компоненты диссертационной работы в необходимой степени взаимоувязаны: целеполагание отражено в основных задачах; задачи находят свое развертывание в положениях, выносимых на защиту; на этой основе формируется структура работы; заключение содержит обоснование и подтверждение основных положений, выносимых на защиту. Отметим особую важность и обоснованность ключевого вывода автора о значении Института в истории региональной науки, рассмотренном в трех аспектах (развитие научно-коммуникационных связей, обеспечение преемственности научных традиций в условиях смены эпох, сохранение регионального культурного наследия) (автореферат, С. 14).

Достоверность полученных результатов обеспечена путем оптимального сочетания в исследовании количественных (формирование широкой и разнообразной источниковой базы) и качественных (адекватное использование научного инструментария) показателей. Диссертант проделал весьма значительный объем работы по выявлению и обработке эмпирического материала. Он скрупулезно проработал не только относящиеся к предмету его изучения документы и материалы федерального и регионального архивов, но и фонды вузов и научной библиотеки, периодику различных лет. Показателем профессиональной исследовательской культуры является тщательность работы диссертанта с привлекаемыми для работы исследованиями других авторов, где затронута и рассмотрена проблематика ИИС. В. В. Расколец не просто выявил и систематизировал все публикации по данной теме, начиная от статей в периодике изучаемых лет до исследований новейшего времени (библиография насчитывает три с половиной сотни наименований различных публикаций), но и выполнил квалифицированный историографический обзор.

Новизна научных положений, выводов. По нашему мнению, работа обладает необходимым уровнем новизны. Автором осуществлено комплексное исследование политических, экономических, социокультурных и поведенческих

аспектов регионального научного сообщества, выявлены основные внутренние и внешние факторы, обусловившие структурно-функциональную трансформацию данного сообщества и основных направлений его деятельности в исследуемый период. Институт исследования Сибири впервые столь всесторонне проанализирован и как высшая на тот момент форма организации науки, и как феномен консолидации и солидарности ученых в экстремальных условиях революции и Гражданской войны. Данный в Приложении корпус биографий ученых, работавших и вовлеченных в деятельность ИИС, представляет собой особый и значимый вклад диссертанта в развитие биографики научного сообщества не только Сибири, но и страны в целом.

Практическая значимость полученных результатов лежит прежде всего в научно-образовательной сфере, на что справедливо указывает сам диссертант (автореферат, С. 14). За пределами указанной области можно рассматривать результаты авторского исследования в качестве обоснования исторической экспертизы в случае заказа управленческих структур на ретроспективный анализ последствий принимавшихся решений по развитию регионального научного строительства в послереволюционный период.

Общая оценка содержания диссертации и ее завершенности дается, исходя из полноты и цельности реализации исследовательской программы, намеченной автором. Мы подтверждаем, что основные параметры исследовательской программы, заявленной во введении, нашли свою адекватную реализацию в основной части текста и в заключении. Диссертант сочетает в своем исследовании авторские разработки и оценки с соответствующими разработками и оценками известных зарубежных и отечественных исследователей науки и научной интеллигенции.

Переходя к критической части отзыва, отметим, что часть наших замечаний носит дискуссионный характер, объясняемый сложностью предмета изучения и неоднозначностью трактовок тех или иных исторических событий и процессов в исследовательской литературе.

В полном согласии с позицией диссертанта о том, что феномен ИИС возникает как результат действия различного рода, причем, не только благоприятствовавших, но и негативно влиявших на реализацию самого проекта, отметим вновь необходимость рассматривать Институт в системе следующих координат: Институт как явление научно-организационное, характеризовавшее переход отечественной науки на новый уровень своей институционализации; Институт как выражение консолидации потенциала научно-образовательного сообщества (тип самоорганизации корпоративной группы); Институт как

результат взаимоотношений в системе «ученые – социум – власть» в экстремальных условиях). В контексте вышесказанного, диссертационное исследование В. В. Раскольца, будучи завершенной научно-квалификационной работой, оставляет возможности для дальнейшего изучения феномена ИИС в следующих направлениях.

Прежде всего, речь может идти о степени зрелости, или уровне институционализации ИИС в рассматриваемый исторический период. Диссертант справедливо отмечает, что Институт соответствовал генеральной организационной тенденции в мировой и российской науке, для этого имелись основные предпосылки, однако реализация проекта происходила в крайне сложных условиях, что и привело в итоге к его свертыванию, или ликвидации. Тем не менее, остается вопрос о степени уникальности ИИС и о том, что проект стал своего рода предтечей последующих преобразований в сфере организации науки в советский период. Между тем, если взглянуть на ситуацию в научно-образовательной сфере, то возможно найти состоявшиеся, реализованные проекты периода революции и Гражданской войны, в том числе в восточных регионах страны (основание ряда ВУЗов в Омске, Иркутске, Владивостоке), ослабленную, но не прекратившуюся деятельность Всероссийской Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС), и т.д. Это заставляет более внимательно взглянуть на природу и форму организации ИИС. Будучи Институтом по самоназванию, он по своим структурным и функциональным характеристикам по сути выступал как сибирский аналог КЕПС (диссертант указывает на это – см. автореферат, С. 8), то есть являлся, скорее, как и КЕПС, Комиссией, получившей государственный статус и определенные ресурсы, и выполнявшей прежде всего координационные функции в осуществлении научных исследований, но не переросший в комплексный региональный исследовательский институт. Мы, как и диссертант, полагаем, что при нескольких иных обстоятельствах ИИС мог быть сохранен под эгидой КЕПС или Академии наук, но все же не как Институт.

Нам представляется дискуссионным следующее утверждение диссертанта: «Институту, выдвинувшему идеи координации исследований сибирских учреждений и организаций, переноса центра исследований обширного региона на востоке страны в саму Сибирь, удалось опередить своё время. Он стал центром всесибирских исследований задолго до организации Сибирского отделения Академии наук СССР» (автореферат, С. 23). Спорной является само утверждение о том, что ИИС «удалось опередить свое время», да еще и на почти четыре десятилетия (СО АН было организовано в 1957 г.). Между тем,

Сибирское отделение имело принципиально иную природу и функции, будучи новым явлением в системе организации отечественной науки с приоритетом в нем фундаментальных исследований, хотя и в сочетании с прикладными, региональными. И если найти отклик и действительную реализацию части принципов ИИС в истории региональной науки, то следует обратиться к идеологии и практике созданного в годы Великой Отечественной войны Западно-Сибирского филиала АН СССР, деятельность институтов которого действительно имела жесткую привязку к исследованию ресурсов региона, а одним из катализаторов данного процесса выступила деятельность «Комиссии Комарова», то есть Комиссии по мобилизации природных ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны под руководством президента АН СССР В. Л. Комарова.

Более общий вопрос, требующий дальнейшего своего рассмотрения, отталкиваясь от феномена ИИС, – это предпосылки и условия регионализации отечественной науки в системе центр – периферийных взаимодействий. Сама идея регионализации науки в рамках государственной научной политики имела весьма сложный и прерывистый путь в своей реализации. ИИС можно было бы рассматривать как своего рода зародыш, генезис данной идеи, но и только. Осознание необходимости и значимости регионального компонента научной политики появилось в СССР только в канун Второй мировой войны, а воплощение ее началось в послевоенный период. И, в контексте сказанного, ИИС не мог опередить свое время, поскольку на тот момент не существовало ни устойчивой государственности, ни государственной научной политики с ее приоритетами, тем более региональными.

Цель работы обозначена диссертантом как «реконструкция и интерпретация становления и деятельности Института исследования Сибири...» (рукопись, С. 16), между тем, в разделе «Научная новизна» указывается на решение «проблемы реконструкции истории становления и развития Института исследования Сибири ... (там же, С. 21). Второе является более точным, поскольку в диссертации осуществлена именно историческая реконструкция событий. Обзор источников следовало сопровождать краткой характеристикой методов и приемов работы с каждой из названных групп источников, включая и классические методики внутренней и внешней критики источников. Базовым основанием классификации письменных источников (а именно они составляют корпус источников) является деление их на документальные и нарративные. Автор же пишет о «широком круге источников опубликованного и неопубликованного характера» (рукопись, С. 21). Диссертант далее

характеризует первую группу источников как «законодательные акты»: на наш взгляд, более обоснованно было бы назвать их нормативно-правовыми актами (трудно отнести решения региональной советской власти о закрытии ИИС к законодательным актам).

В. В. Расколец справедливо пишет о том, что ИИС возник и конституировался как итог, результат взаимодействия внутри т.н. треугольника, «элементами которого являлась власть, научное сообщество и представители промышленности и торговли» (автореферат, С. 13), и в то же время при рассмотрении источников финансирования деятельности Института он говорит о государственных средствах. Означает ли это, что негосударственные учреждения и организации не поддерживали ИИС финансово и материально?

При действительно трудоемкой выявительской и систематизационной работе автора по составлению биографий ученых, здесь встречаются некоторые неточности или неполные сведения. Так, указанные даты жизни М. Б. Шатилова (1882–1933) не соответствуют им же приведенным сведениям о том, что он был расстрелян в 1937 г. В отношении Б. П. Юхневича также вначале указаны даты жизни (1884 – не ранее 1937), но в самой биографии указано, что он умер в лагере в 1938 г. В биографии С. И. Руденко не отмечено, что он был арестован в 1930 г. и до 1934 г. отбывал срок на строительстве Беломоро-Балтийского канала, реабилитирован в 1957 г. Что касается приложений к основному тексту диссертации, то они, безусловно, ценны. В то же время при значительном насыщении текстов различного рода аббревиатурами и сокращениями следовало оформить список сокращений.

Данные замечания в большинстве своем носят рекомендательный характер для дальнейшей работы диссертанта над этой темой и не влияют на те общие положительные оценки качества диссертации, которые были сделаны нами выше. Работа В. В. Раскольца написана грамотным, профессиональным научным языком, текст автореферата в полной мере соответствует основному содержанию диссертации. Основные положения и выводы проведенного автором исследования нашли отражение в 11 научных публикациях, в т. ч. 8 из них опубликованы в журналах из перечня ВАК. Тексты рукописи и автореферата диссертации соответствуют стандартным требованиям к их оформлению.

Диссертация Виктора Владимировича Раскольца, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук, является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение важной научной задачи историко-ретроспективного анализа причин, условий, механизмов и факторов, обусловивших формирование научных сообществ крупных

сибирских городов и их адаптацию к политическим, экономическим и социокультурным реалиям периода революции и гражданской войны в регионе. Это имеет существенное значение для получения нового научного знания о характере, принципах и результатах жизнедеятельности корпоративных групп интеллигенции в экстремальную эпоху. Диссертационная работа соответствует требованиям пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 01 октября 2018 г.). В В. Расколец заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.10 – История науки и техники.

Официальный оппонент

ведущий научный сотрудник

сектора истории социально-экономического развития

Института истории Сибирского отделения

Российской академии наук,

доктор исторических наук

(07.00.02 – Отечественная история),

профессор

Красильников Сергей Александрович

26 ноября 2018 г.

Сведения об организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; (383) 330-13-49;

director@history.nsc.ru; www.history.nsc.ru

